

Ольга Фокина:

„Нам надо быть русскими!..“

ИМЯ ЭТОЙ ПОЭТЭССЫ давно и хорошо знакомо читателям Вологодчины. И оно по праву называется в одном ряду со знаменитыми земляками — такими, как Александр Яшин, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, Сергей Вакулов, Александр Реманов... Поэтому каждая новая встреча с ней дарит приятные неожиданности, радость общения с нестандартной личностью.

На этот раз мы увиделись с Ольгой Александровной в канун нового числа праздников. Первый вопрос для нее оказался несколько непривычным:

— Люди знакомы с кожу под впечатлением Ольгой Фокиной, как с поэтом, читали Ваши стихи, общались с Вами на тематических вечерах. Но мало кому знакома Ольга Александровна как обычная женщина, просто как человек, у которого есть своя жизнь, семья, интересы.

— Я — совершенно обычный человек, как и все окружающие меня люди. Потому что мне приходится заниматься абсолютно теми же делами, что и любой домашней хозяйке, любой матери. И в магазине стою в очередях, и в квартире прибираюсь. Потому что пока дети у меня студенты, все хозяйство лежит на мне. Единственное, что меня, может быть, отличает от других, это то, что я позволяю себе временами уноситься в какие-то дальние дали во: поминаний о детстве, мечтаний о будущем, которые воплощаются в стихах и песнях. Вот и все.

— Ну, а любимое занятие в свободное время у Вас есть?

— У всех имеется свое хобби. Стихи, конечно, — это моя работа. Во время отдыха же я очень люблю читать. Вот только что познакомилась с очерком о книге Виктории Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой». Великолепная книга! Ведомы об этом поэте знали довольно мало, только лишь в связи с ее недавним юбилеем — 100-летием со дня рождения — стала заметно больше говорить о ней и ее работах. Ее судьба, женская судьба в отечественной литературе очень характерна для су є России. Лично моя она очень потрясла.

— Ольга Александровна, вот те ощущения, ко-

торые Вы испытываете при соприкосновении с родной природой, они очень заметны и в Вашем творчестве. Вы их как-то образом «перевариваете», пропускаете через себя, прежде чем изложить на бумагу?

— Нет, чисто о природе я редко когда пишу.

— Но она чувствуется едва ли не во всех Ваших стихах. Как же так получается?

— Понимаете, я через природу стараюсь показать нашего человека, сельского труженика и прежде всего — женщину. Поэтому что для меня оба крестьянки, колхозницы, которой была моя мама и ее ровесницы, — это очень важный образ. Я ведь, собственно говоря, и в литературу пошла для того, чтобы рассказать о них, показать всеми своими силами, насколько они достойные люди, насколько высокой чистоты и нравственности их устремления. Они для меня все время служат жизненным ориентиром. К их опыту я всегда обращаюсь, когда в жизни приходится туго. И обретаю, поверьте, какую-то устойчивость.

Вот о них я хочу рассказать стихами и песнями, о себе же пока и не говорила. Я пока отдаю долги, долги памяти и боюсь, что их еще не отдала. Может быть, о себе так и не придется сказать. Впрочем, буду надеяться на дочку.

— Она тоже не безразлична к поэзии? Пытается писать?

— Да, и уже печаталась в двух коллективных сборниках. Большая подборка, на целую полосу, была напечатана в «Вологодском комсомольце». Я не берусь пока предвосхищать события, но, может, и отдельный сборничек выпустит. Пока же она учится в институте, много читает, осваивает толстые тома мировой литературы.

— А Вы сами какими образом вошли в мир творчества? Когда появился первый опыт?

— Все дело тут — в нашей маме, которая хоть и была простой крестьянкой, но окончила четыре класса церковно-приходской школы и для своего времени считалась довольно грамотным человеком. Она очень любила литературу. Собственно говоря и нас, пятерых детей, от книги не отваживала, хотя воспитывала одна. Отец-то у нас погиб на войне в 43-м. Мама смастерила очень многие стихи, и в нас воспитала чувство любви к ним, вообще к литературе. А чтение в ту пору было единственной связью с миром, ни ради, ни телевидения не было. И мы в глухой деревеньке — в 150 километрах от ближайшего железнодорожной станции. Все хотели и любили учиться. Это была для нас дорога к свету...

Вот сейчас нередко говорят о плохом преподавании литературы, это, наверное, оторвано от жизни. Они для меня все время служат жизненным ориентиром. К их опыту я всегда обращаюсь, когда в жизни приходится туго. И обретаю, поверьте, какую-то устойчивость.

А сочинять я начала довольно рано. Потому что когда слышала песни, невольно подбирала на этот мотив свои слова. Вот где-то в пятьдесят лет я уже сочинила стихи про судьбу, отца, маму. Я очень хотела, чтобы ма моя была счастлива...

Печататься начала в 17 лет. Первые стихи появлялись в архангельской газете «Северный комсомолец». Писала их, конечно, гораздо раньше, будучи школьницей. Пытаясь подражать Исааковскому, Некрасову. Первая же публикация — фельетон «Лекция» — копировала манеру Владимира Маяковского.

Что касается первого сборника, то он вышел после окончания Литературного института имени Горького в Москве в 1962 году. Под названием «Сыр-бор» он был напечатан в 7-тысячном тираже в издательстве «Молодая гвардия». Принимала участие в IV Всесоюзном совещании молодых писателей и поэтов. А вскоре после этого меня по одной только книжке приняли в Союз писателей СССР, хотя требовалось обычного три. Но тогда были другие времена, и талант измерялся не количеством, а качеством произведений...

Со мной в ту пору учились многие замечательные ребята. Но как-то так получилось, что я «обскакала» всех. Во всяком случае лауреатом из наших никто больше не стал. Мне очень повезло, потому что училась у замечательных мастеров, да и в Вологде много нашлось доброжелателей. Жаль, что с годами их становится меньше, и гении уже не самой приходится подумывать о поддержке молодых талантов. Это — святое, благое дело, только не всегда мыываем готовы к нему.

Ведь все еще крепка привычка, что оплакать надо нас...

— Вы часто встречаетесь со своими читателями. Это человеческое желание не «обскакывать» новые темы, новые рабо-

тодавы. Сегодняшней действительности груды сделать поэзию. Тем более что это отклики на это у меня есть, их много.

А вообще-то, по правде сказать, хочется писать то, что люблю и что природе. Бояюсь только, что не скоро такое время настанет. Потому что все равно внутренне взрываются, читают противоречивые умозаключения демократов и коммунистов. Гы стараешься быть где-то в середине, так как поэт должен примирять действительность. Но это дается очень тяжело. И приходится выбирать какую-то крайнюю позицию. Третьего не дано, не получается.

— А какого читателя Вы любите и хотите видеть?

— Непредвзятого! Что бы он не думал, что я пишу ради денег или славы. Ведь я пишу совершенно откровенно, ничего не оставляю за душой.

Поэт, писатель — существование довольно одиночное. И когда мы вот так пишем, откровенничаем «на деревню деревенке», как Ванька Жуков, мы обретаем невидимых друзей. Пусть не соратников, но сочувствующих. И вот благодаря этому, одиночеству преодолевается.

— И в заключение. Ольга Александровна, чтобы Вы хотели пожелать нашим читателям, которые видят этот номер газеты в первый день Нового года?

— Хорошие слова сказал как-то в одном из выпусков «Кинопанорамы» Виктор Боков:

«Лес стоит — никому не нужен, Храм стоит — никому не нужен, Я стою — никому не нужен. Что ж нам делать? Стоять на своем!»

Я думаю, что устоять сейчас под этим ураганным ветром, дующим с разных сторон, выстоять, как деревцу, уцепившись корнями за родную почву, за родные свои устои, не поддаться усиленной пропаганде — самое главное. Конечно, может, со всем и не лишне, что на нас так дует. Может, тогда и укрепимся в своем, поймем, что — хорошо, что — плохо. Но при этом важно, чтобы нас с корнями не вырвало из родной земли. Потому что любой человек, мне кажется, силен именно любовью к «отеческим гробам» и к родному пепелищу. Нам не надо американизироваться, нам надо быть русскими. Остаться русскими...

С гостем беседовал
В. ПЕРШАНОВ.